

говорилось, отвечала ведущей русской и, что немаловажно, европейской (в частности, немецкой) тенденции к новым онтологиям. Добился ли он на этой стезе успеха и в какой степени ему удалось реализовать свои философские амбиции – вопрос совсем иного плана, который мы не рассматриваем в рамках данной статьи.

При подобном довольно негативном отношении Яковенко к русской философской традиции вполне закономерным представляется вопрос, вписывается ли его творчество в контекст русской философии. На наш взгляд, на него необходимо отвечать однозначно положительно, по крайней мере, по двум причинам. Первая та, что русская философия, как и любая другая национально определенная философия, предстает перед нами как обособленное, индивидуальное выражение мировой философской проблематики, иными словами, философии как таковой, поэтому демаркация понятий «русская философия» и «философия в России» просто не имеет смысла. Национальная традиция в философии существует, и этого нельзя отрицать. В противном случае мы не могли бы говорить о французской, английской или немецкой (о чем сам ученый неоднократно упоминает) философии. Вторая причина, по которой мы считаем трансцендентального плюралиста Б. В. Яковенко представителем русской философской традиции, – это то, что он жил и работал в ус-

ловиях русской действительности, находился под влиянием социальной реальности, сложившейся в России в начале XX в. и его труды были одним из звеньев развития русской философии. И если мы признаем наше западничество русским, а не немецким, то почему бы Б. В. Яковенко не быть русским философом? В философской литературе неоднократно подчеркивается, что разного рода европейские философские идеи практически всегда ассимилируются на русской почве и окрашиваются в русские цвета. Тому же процессу было подвержено и неокантианство «Логоса» и одного из его авторов Б. В. Яковенко. Если мы признаем наше западничество русским, то мы просто обязаны считать Б. В. Яковенко русским философом.

Примечания

- 1 Яковенко Б. В. О задачах философии в России // Яковенко Б. В. Моцъ философии. СПб., 2000. С. 654.
- 2 Там же. С. 656.
- 3 Белов В. Н., Рожков В. П. История русской философии. Саратов, 2006. С. 151.
- 4 Ермичев А. А. О неокантианстве Б. В. Яковенко и его месте в русской философии // Яковенко Б. В. Моцъ философии. С. 9.
- 5 Яковенко Б. В. Очерки русской философии. СПб., 2000. С. 742.
- 6 Яковенко Б. В. Тридцать лет русской философии // Там же. С. 854.

УДК 124.4

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ СМЫСЛ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В ПЕРСПЕКТИВЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ РОССИИ

Н. А. Моисеева

Российский государственный аграрный заочный университет
E-mail: moiseeva.nel@yandex.ru

Статья посвящена анализу русской национальной идеи в контексте современных реалий, где соединяется новое содержание с бытием национальной идеи. Подчеркивается, что национальная идея есть процесс самоосуществления нации как субъекта в историческом процессе через формирование мы-идентичности. Утверждается, что национальная идея имеет не только эвристический смысл в перспективе самоопределения России, но и всемирно-историческое значение.

Ключевые слова: национальная идея, мы-идентичность, народ-субъект, самосознание, самоопределение.

Heuristic Sense of the National Idea in the Long Term of Self-Determination of Russia

Н. А. Моисеева

This article analyzes the Russian national idea in the context of contemporary realities, where new content join to the national idea. It is emphasized that the national idea is a process of self-realization of the nation as a subject in historical process through the formation

of «we-identity». It argues that the national idea has heuristic sense, not only in the perspective of self-determination in Russia, but also a world-historical significance.

Keywords: national idea, we-identity, people-subject, self-awareness, self-determination.

Сегодня, когда Россия вновь оказалась перед необходимостью исторического выбора и самоопределения, актуализируется поиск и содержательный анализ ее национальной идеи. Очевидно, что без аргументированного учения и концепции развития, учитывающей реалии современного бытия, невозможна самоидентификация народа, а значит – само его существование в ситуации глобализации. «Ведь идея у народа или есть, и тогда он процветает, или ее нет, но тогда имеем ли мы право говорить о самобытном народе?»¹. Как представляется, споры о содержании национальной идеи будут актуальными до тех пор, пока наша страна не обретет пути, который

поддержит большая часть граждан и который реально объединит их. «Всякий раз, когда Россия преодолевает кризис национального и государственного самосознания, новая формулировка ее государственной идеи становится все более универсальной и масштабной, нежели предыдущая»². В результате этого смысл и способы реализации общенациональной объединительной идеи России имеют всемирно-историческое значение, поскольку, как полагал А. В. Гулыга, русская идея родилась из катастрофического прошлого страны и предполагает всеобщее спасение: «Сегодня весь мир, несмотря на видимое благополучие, сползает к катастрофе. Поэтому опыт России преодолевать беду важен для всех»³. По его мысли, русская идея — это предчувствие общей беды и мысль о всеобщем спасении. Хотя она родилась в России, но опиралась на западную, прежде всего немецкую философскую культуру. Ее источниками являются: русский исторический опыт, православная религия, немецкая диалектика. Русская идея актуальна сегодня как никогда, она «имела целью объединить человечество в высокую общность, преобразовать в фактор космического развития. Сегодня русская идея (порой – под другими именами) возрождается, наполняя особым смыслом наше потускневшее автомобильно-электронное бытие»⁴.

Как великая цель и идеал она вызревала в недрах народа и обусловлена спецификой его развития, зависит от черт национального характера и менталитета. «Сегодня русская идея прежде всего звучит как призыв к национальному возрождению и сохранению материального и духовного достояния России»⁵. Н. Бердяев писал: «Русские искания начала XIX в. и начала XX в. (а мы добавили бы – и начала XXI в. – Н. М.) свидетельствуют о существовании русской идеи, которая соответствует характеру и призванию русского народа»⁶. Истоки ее возникновения восходят к началу формирования русского народа, в то же время она сейчас представляет собой развитие, разворачивание изначальной, поскольку рассматривается в контексте современной России. В общем виде это путь движения страны, способ ее существования в настоящем и будущем, это и надежда на достойное место в мировом сообществе.

И. Н. Андрушкевич – историк, политолог, потомок русских эмигрантов, живущий в Буэнос-Айресе, – полагает, что «процесс перехода донородного и догосударственного бытия на высшую историческую ступень народной государственности всегда связан с появлением какой-нибудь специфической идеи, имеющей объединяющий и направляющий характер»⁷. Если обратиться к содержанию русской идеи, то можно обнаружить, что она никогда не оставалась статичной, но постоянно уточнялась и развивалась. Мысль автора такова: «Каждый народ имеет свою историю, и эти исторические прецеденты тоже слагаются постепенно и тоже входят в состав его национальной

идеи»⁸. Более того, он полагает, что национальная идея включает в себя три основные вытекающие из истоков России идеи – это самобытность, справедливость и соборность.

Если более внимательно подойти к этой проблеме, то можно утверждать, что национальная идея есть процесс самоосуществления нации как субъекта в историческом процессе. Национальная идея показывает не только неисчерпаемость самовыражения субъекта, но и свою регулятивную роль: она раскрывает на каждом историческом этапе такие возможности для общества, которые позволяют ему восстанавливать свою целостность в процессе его саморазвития, изменения структуры. Это происходит потому, что национальная идея выражает именно бытие, устойчивость существования национально-этнической основы общества, которое сохраняет внутреннюю идентичность, несмотря на постоянные изменения содержания общественной жизни. В данном случае национальная идея выступает как основание, источник и цель исторического саморазвертывания общества, его движение не только во внешней среде, но и к собственной сущности, поэтому национальная идея не может сводиться к набору идеологических и мировоззренческих принципов: она объективно обусловлена и не создается как субъективный акт философа или политика.

Поскольку общество исторически меняет свое содержание, возникает проблема его *соединения* с бытием национальной идеи. Такой синтез – нахождение форм реализации национальной идеи в обществе – для него является необходимым, так как определяет и выявляет формы связи объективного и субъективного, благодаря которым общество может восстанавливать свою целостность, полноту своего бытия на разных этапах развития. Именно поэтому русская идея постоянно восстанавливается в формах народной культуры и народного творчества, в философских исканиях, в социальном самочувствии граждан, в направленности и тематике национальной культуры и т. д.

В разные исторические эпохи русская идея выполняла в обществе и его культуре самые различные функции: она подчеркивала самобытность и уникальность национально-культурного организма, обеспечивала преемственность культурных традиций и отражала уровень развития духовной культуры, указывала направление совершенствования личной, общественной и государственной жизни. По В. Соловьёву, русская идея есть «верховный долг нации» и «эта идея действует во всех случаях как реальная мощь»⁹. И. Ильин утверждал, что «эта идея указывает нам на нашу историческую задачу и наш духовный путь»¹⁰. Фиксируя базовые ценности русской культуры, русская идея способствовала объединению в единое целое огромного полиэтнического мира Российской империи. Для России русская идея, отмечал Н. А. Бердяев, – это не просто стержень

национальной идеологии, но и история русской духовности, «собираемый образ России», который сегодня можно назвать мы-идентичностью.

В современном российском обществе, которое приняло модель информационно-технологических приоритетов и существует как массовое, характеризующееся массовой культурой с ее международным (преимущественно западным) содержанием, субъективный фактор оказался весьма заниженным. Социум как бы «рассыпался» на корпоративные сообщества, на бессвязное количество индивидуумов, которые в большей мере заняты личностной адаптацией к реальности, освоением и ответом на требования рыночной и информационной среды, чем на решение задач выявления целостности страны, нахождения оптимальных для нее форм реализации духовности и культуры. Технологические основы российского жизнеустройства негативно повлияли и на определение современной национальной идеи, хотя национальная идея вновь волнует умы россиян, так как Россия стоит перед очередным историческим выбором. Термин «национальная идея» по-разному толкуется в обществе и выражает, скорее, конкретный способ (проект, социальные технологии) разрешения накопившихся противоречий, чем осознание и выявление общего пути движения нашего общества к будущему, а значит, одновременно и к самому себе.

Поиски выражения современной национальной идеи так или иначе направлены в отечественной философии на связь, соотношение субъективного и объективного, хотя и не соблюдают требования *всеобщности* этой связи, ее исторической *конкретности*. Так, Н. С. Розов считает, что «ключевым архетипом требуемой глубинной трансформации (нашего общества. – Н. М.) может стать “порядок”. Россияне со времен Рюрика страдали отсутствием порядка, но связывали чаемый порядок исключительно с твердой авторитетной властью. Задача современной духовной элиты России – установить новую связь: действительно человечный и справедливый порядок может появиться у нас только при верховенстве права над властью»¹¹. Очевидно, что соотношение порядка, который обеспечивается государственной властью, и права не исчерпывает тех форм связи субъективного и объективного, которые требуются современному обществу.

Другие авторы в раскрытии национальной идеи ограничиваются общей констатацией, не конкретизируя главного – современных форм воплощения национальной идеи в российской реальности. В частности, для Л. В. Карасёва «русская идея – это идея о другом мире <...>. Она есть также и идея об изменении, ибо достигнуть чего-либо иного можно, лишь изменив мир, либо самого себя»¹². Ясно, что менять нужно. Однако каким способом, в каком направлении? Через какие ресурсы и способы деятельности? Ответа нет. Сходным в этом плане можно считать подход

В. М. Межуева, который отмечает, что «идея – это наличие у каждой нации системы ценностей, имеющей для нее более универсальный смысл, чем ее национальные интересы»¹³. Все это так, но что это дает для конкретизации современной русской идеи? Подобная констатация содержится и в справочной литературе. Так, М. А. Маслин подчеркивает, что «“Русская идея” является понятием сложным и неоднозначным, отражающим многовариантность исторического пути России», но дальше этого он не идет¹⁴.

Не особенно продвигают решение проблемы и идеологии тех основных партий, которые сложились в России, – центризма, либерализма и социализма (с учетом национальных особенностей). Поскольку они выступают как альтернативные, то ограничивают друг друга и не выражают необходимой целостности и всеобщности современного облика русской идеи. Тем не менее все согласны с тем, что национальная идея должна иметь высокое предназначение и быть плодом исторического развития народа и его культуры, нести в себе национальный дух и общечеловеческое значение.

Таким образом, для конкретизации современного содержания «русской идеи», определения места и ее роли в нашем обществе необходима разработка *методологических основ* ее исследования. Прежде всего следует не «сбирать» русскую идею из набора различных свойств, отношений и тенденций общественной жизни, а наоборот, *выводить* из этой идеи как субстанции все основные характеристики бытия современного общества в его социальных и этнокультурных формах. Это значит, что русская идея «присутствует» в нашем обществе и сегодня, однако задачей является раскрытие тех форм и отношений, в которых она выполняют свою целевую, организационную и регулятивную роль. Рассмотрим в этой связи ее соотношение с некоторыми важными субъективными свойствами нашего общества. Прежде всего необходимо прояснить соотношение русской национальной идеи с понятием «мы-идентичность». Идентичность можно рассматривать как самосознание, или осознание обществом, народом своего внутреннего единства с теми ценностями, нормами и идеалами, которые были выработаны в его истории – на пути к национальному и гражданскому становлению. В структуре мы-идентичности можно выделить наличие национальных суверенитета, самосознания и соответствия. Все эти принципы в истории России многократно проявлялись и в военных победах в борьбе за национальную независимость, и в преодолении расколов, и в сохранении чувства социальной и нравственной справедливости, которое всегда было присуще нашему народу.

Сегодня, несмотря на социальную потребность в формировании целостного российского общества, теоретическая разработка и практическая направленность политики в достижении мы-идентичности в значительной мере тормозятся от-

сутствием проявленных «контуров» русской идеи. Это означает, что мы-идентичность необходимо исследовать как форму реализации в современном обществе русской идеи. Мы-идентичность – это не результат договора или консенсуса в обществе по различным вопросам, но проявление (и условие) формирования возможности такого соответствия объективного и субъективного на основе актуализации русской идеи, которое обеспечивает формирование целостности России, ее культуры, причем как в пространстве, так и во времени (включая и сохранение культурных, духовных традиций). Следовательно, достижение мы-идентичности выступает как важнейшее условие раскрытия и других форм соответствия русской идеи современному обществу. Более того, именно через такую идентичность, которая означает открытость общества постижению своих внутренних констант, раскрываются потенциал русской идеи и ее специфика.

Мы-идентичность – это состояние общества, которое начинает формироваться на основе реализации русской идеи: во-первых, самосознание и самоопределение общества в отношении к самому себе, т. е. раскрытие того, что выступает как основа бытия российской самобытности без современных техногенных и информационных условий его существования, которые привнесены извне, являющиеся международными и «затушевывают» такую самобытность. Во-вторых, это раскрытие *собственного пространства (направления) развития* при сохранении идентичности. В-третьих, это выработка всех основных форм отношений России с внешним миром, т. е. превращение огромного пласта технологических и других заимствований в составные компоненты мы-идентичности. При этом основной «работой» русской идеи является разделение, размежевание фактического и символического: символическим является тот «код», или программа, которая встроена в бытие русской идеи. Благодаря этому мы-идентичность – коллективный субъект – отождествляет себя с данным содержанием и постоянно отделяется, «отодвигается» от него, сохраняя различие между конкретным постоянно обновляющимся социальным содержанием с одной стороны и постоянством русской идеи как бытием народа-субъекта, имеющим в качестве возможного статус субстанциальности, – с другой. Именно поэтому коллективный субъект постоянно оказывается «больше» своего общественного содержания, но сохраняется его функция переработки, переплавки в национальные и культурные формы меняющегося социального содержания, включая и внешние заимствования.

Без сохранения русской идеи в формах субъективности и культуры общественное сознание всегда оказывается вторичным, зависимым от общественного бытия, поскольку осознает объективность этого бытия, его проявления лишь частично. Поскольку русская идея является суб-

станциальным проявлением общества, оказывается «не снимаемой» радикальным изменением социального (технологического, экономического, политического) содержания, постольку общественное сознание как проявление бытия коллективного субъекта всегда опережает общественное бытие, сохраняет культурный, духовно-нравственный, ценностный, экзистенциальный контроль субъектом развития этого бытия. В настоящее время такой контроль значительно ослаблен из-за того, что интегральный субъект не обладает общественным масштабом, человек оказывается «встроенным» в ткань техногенного мира, в бесконечные модификации рынка и потому отрывается и от национальной идеи, и от самого себя. В этом одна из причин роста социального отчуждения личности в современном обществе, продолжающегося процесса его дегуманизации.

Важно отметить, что в противовес «технизации» России, ее подчинению западным стандартам, включая и культивирование «современного» образа через СМИ, рекламу, в обществе идет стихийный процесс складывания мы-идентичности. Как показывают данные социологических исследований, проведенных Институтом этнологии и антропологии РАН по вопросу идентификации москвичей как россиян, в 1992 г. лишь пятая часть опрошиваемых идентифицировала себя как россиян, а в 2006–2008 гг. так обозначили себя уже 65% населения России¹⁵. Эта тенденция показывает «неосознаваемое» пока воздействие русской идеи на сознание и ориентации современников. Оно осуществляется, во-первых, как ответ на определенные вызовы современной социокультурной ситуации и проблем как российского, так и общемирового развития; во-вторых, национальная идея начинает выполнять функцию раскрытия пространства развития общества и главное – консолидации многоэтнического народа как пути его выживания и восстановления.

Итак, что же такое русская национальная идея? С учетом всего изложенного ее можно определить как транслирование синтетического проявления бытия народа-субъекта с его постоянными свойствами на современность в качестве постоянной функции соизмерения, нахождения соответствия между социальными (экономическими и др.) изменениями и устойчивостью этого субъекта, его «самоидентичностью». Эта функция как актуализация русской идеи реализуется постоянно, однако наиболее активно – в переломные эпохи, когда общество нуждается в выработке интегральной внутренней программы дальнейшего существования и развития.

В современном мире, система которого разбалансирована, в значительной степени доминируют процессы социального хаоса, следствием которого являются насилие и несправедливость. «Однако именно поэтому нужны идеи. Всякие, в том числе и “русская”, или, если угодно, “российская”. Они нужны, чтобы вести нас к миру и справедливости,

которых достоин человек в своей глубинной духовной основе, требующей раскрытия»¹⁶. И это сегодня, несомненно, является исключительно востребованным, актуальным.

Примечания

- ¹ Лагунов А. А. Еще раз о русской идее // Российская национальная идентичность в лабиринтах модернизации и глобализации: философские, социокультурные и политические проблемы : материалы междунар. науч.-практич. конф. / отв. ред. В. Р. Чагилов. Невинномысск, 2010. С. 247.
- ² Косов А. В. Российская национальная идея как фактор формирования евразийской идентичности в условиях геополитического противостояния // Там же. С. 225.
- ³ Гулыга А. В. Творцы русской идеи. М., 2006. С. 21.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Бердяев Н. А. Русская идея. Харьков ; М., 2000. С. 239.

- ⁷ Андрушкевич И. Н. Национальная идея России // Трибуна русской мысли. 2007. № 7. С. 166.
- ⁸ Там же. С. 167.
- ⁹ Соловьёв В. С. Русская идея // Русская идея : сб. произведений русских мыслителей / предисл. А. В. Гулыги. М., 2002. С. 229.
- ¹⁰ Ильин И. А. О русской идее // Там же. С. 402.
- ¹¹ Розов Н. С. Национальная идея // Вопр. философии. 1997. № 10. С. 26.
- ¹² Карасёв Л. В. Русская идея (символика и смысл) // Вопр. философии. 1992. № 8. С. 95.
- ¹³ Межуев В. М. О национальной идее // Вопр. философии. 1997. № 12. С. 5.
- ¹⁴ Маслин М. А. Русская идея // Российская цивилизация: этнокультурные и духовные аспекты : энцикл. словарь. М., 2001. С. 370.
- ¹⁵ Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения Института социологии РАН // Независимая газета. 2010. 12 нояб. С. 5.
- ¹⁶ Лагунов А. А. Указ. соч. С. 249.

УДК 165.19

ПРОБЛЕМА ЯЗЫКОВОЙ ПРИРОДЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАТИВНОСТИ: НАРРАТИВНЫЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ СПОСОБЫ ИСТОРИЗАЦИИ

И. Н. Нехаева

Тюменский государственный университет
E-mail: Ira-Nekhaeva@rambler.ru

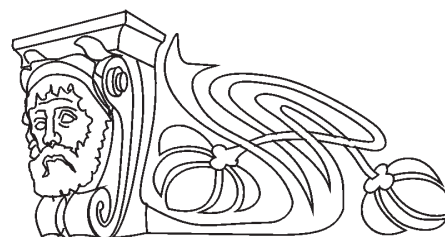
Статья содержит проблематичный взгляд на возможность установления исторического поля исключительно в контексте языковой интерпретативности, поскольку выявление необходимых аспектов реальности, видимых из перспективы истории, становится возможным лишь при условии осуществления принципиально нового описания способа размышления о мире, что, по сути, и означает обнаружение определенного исторического периода, ограниченного языковым инструментарием.

Ключевые слова: язык, история, истина, репрезентация, интерпретация, нарратив, миф.

Problem of the Language Nature Historical Interpretativeness: Narrative and Mythological Ways of Historisation

I. N. Nekhaeva

Article contains a problematic view at an opportunity to establish historical field exceptionally in a context of language interpretativeness. Because revealing of necessary aspects of the reality seen from prospect of history becomes possible only under condition of realization of essentially new description of a way of reflection about the world. That, as a matter of fact, means detection of the certain historical period limited to language toolkit.

Key words: language, history, truth, representation, interpretation, narrative, myth.

С самого начала следует признать, что эпистемологическая традиция всегда придавала большое значение некоему *третьему*¹ пространству при условии, что первые два традиционно представляют собой общую контактную зону взаимодействия внутреннего мира с реальностью, порождающую контекстный срез, парадигматической основой которого принято считать разработанный Кантом схематизм категорий рассудка, демонстрирующий принцип систематизации умом того многообразия, которое ему предоставляется опытом с целью получения *истинных* суждений, связанных, прежде всего, с невозможностью получения *непосредственного* знания о мире в результате феноменализации реальности, поэтому категории рассудка призваны служить так называемым эпистемологическим мостом между субъектом и реальностью. В результате данные эпистемологические схемы породили различные «способы создания миров»², в основном обозначающие